

Стремясь удержать власть въ своихъ рукахъ, оно цѣпляется за нее со всей энергіей молодого правительства, котораго еще не успѣло коснуться старческое разложеніе. Оно готово противопоставить силу силѣ и, чтобъ его свергнуть, надо снова взяться за оружіе, произвести новую революцію. — И все это для того, чтобъ освободиться отъ тѣхъ, на кого было возложено столько надеждъ!

И вотъ, революція распалась! Потерявъ столько времени на ожиданіе, она теперь будетъ тратить свои силы на распри между приверженцами новаго правительства и тѣми, которые сознали необходимость освободиться отъ него! И все это потому, что никто не хочетъ понять слѣдующей простой истины: новая жизнь требуетъ новыхъ формъ, нельзя произвести революцію, цѣпляясь за старыя формы, революція и правительство несовмѣстимы, одно, — подъ какимъ бы видомъ оно ни было представлено, — всегда уничтожаетъ другое; внѣ анархіи — нѣтъ революціи!

То же самое можно сказать о другой формѣ „революціоннаго правительства» — революціонной диктатурѣ.

II.

Опасность, которой подвергается Революція, когда надъ ней господствуетъ выборное правительство, такъ очевидна, что цѣлая школа революціонеровъ совершенно отказалась отъ этой идеи. Они понимаютъ, что возставшій народъ не можетъ путемъ выборовъ провозгласить правительство, которое не являлось бы представителемъ прошлаго и не мѣшало народу совершить тотъ грандіозный экономическій, политическій и нравственный переворотъ, который мы называемъ Соціальной Революціей. Они окончательно отказываются отъ мысли о „легальномъ» правительствѣ, по крайней мѣрѣ, на періодъ возстанія противъ легальности, и провозглашаютъ „революціонную диктатуру».

Та партія, — говорятъ они, — которая свергнетъ правительство, захочетъ сама занять его мѣсто. Она захватитъ власть въ свои руки и будетъ дѣйствовать революціоннымъ путемъ. Она приметъ всѣ необходимыя мѣры, чтобъ обезпечить успѣхъ возстанію, разрушить старые институты и организуетъ защиту территоріи. Всѣмъ, кто не захочетъ признать ея власти, — гильотина; всѣмъ, будь они изъ народа или буржуазіи, которые откажутся подчиняться ея приказамъ, изданнымъ съ цѣлью регулировать ходъ революціи, — тоже гильотина!» Вотъ какъ разсуждаютъ будущіе Робеспьеры, которые изъ великой эпопеи прошлаго вѣка запомнили лишь періодъ упадка и рѣчи прокуроровъ республики.

Мы, анархисты, произнесли окончательный приговоръ надъ диктатурой, какъ одного лица, такъ и одной какой нибудь партіи, — въ сущности говоря, это одно и то же. Мы знаемъ, что одно лицо или одна группа не могутъ дать должнаго направленія соціальной революціи. Мы знаемъ, что революція и правительство несовмѣстимы; что одно должно убить другое, какова бы ни была форма правленія: диктатура, королевство или парламентъ. Мы знаемъ, что сила нашей партіи заключается въ слѣдующей основной формулѣ: — „Только свободная инициатива народа можетъ создать что либо цѣнное и прочное, а всякая власть стремится убить эту инициативу». Вотъ почему, если бы наши идеи не должны были пройти черезъ горнило народа, чтобъ быть осуществленными, если бы мы стали хозяевами того замысловатаго хитро-сплетенія, — правительства, — которое позволяетъ каждому дѣйствовать сообразно своей фантазіи, то лучшіе изъ насъ черезъ недѣлю стали бы достойны смертной казни. Мы знаемъ, что всякая диктатура, какъ бы честны ни были ея намѣренія, ведетъ къ смерти революціи. Мы знаемъ, наконецъ, что идея диктатуры есть не что иное, какъ зловерный продуктъ правительственнаго фетишизма, который вмѣстѣ съ религіознымъ фетишизмомъ всегда стремился увѣковѣчить рабство.

Но теперь мы обращаемся не къ анархистамъ. Мы хотимъ поговорить съ тѣми революціонерами, приверженцами правительства, которые заражены предрасудками, внушенными имъ воспитаніемъ, которые искренно заблуждаются и охотно выслушаютъ наши доводы. Мы станемъ на ихъ точку зрѣнія, и такъ будемъ говорить съ ними.

Защитники диктатуры не замѣчаютъ сами, что, поддерживая этотъ предрасудокъ, они готовятъ почву для торжества своихъ противниковъ. Я бы посовѣтовалъ поклонникамъ Робеспьера твердо помнить слѣдующія его слова. Онъ въ принципѣ признавалъ диктатуру. Но... — „Остерегайся больше всего диктатуры» — рѣзко оборвалъ онъ Мандара, когда этотъ попробовалъ заговорить о